

Анастасия Балута

Мухоловка
для ловца

18+

Анастасия Балута

Мухоловка для ловца

«Автор»

2026

Балута А.

Мухоловка для ловца / А. Балута — «Автор», 2026

Она — ведьма. Он — инкуб, который помнит Венецию XVIII века. Их мир — это Москва, где за фасадами старых переулков скрываются порталы в Инреал, а любовь стала товаром, который продают и покупают. Настя — филолог, академик, женщина с рыжими волосами и древней кровью, которая связывает её с теми, кто был здесь до людей. Она работает в секретной организации ФСПИ. Её новое задание — поймать «ловца любовных иллюзий», мужчину, который высасывает из женщин их жизненную энергию, оставляя их пустыми оболочками. Но за этим ловцом стоит кто-то гораздо более древний и опасный. Инфернал. Дракон, пробуждающийся после тысячелетий сна. И он чувствует её кровь, её силу. Он хочет не просто её энергии. Он хочет её саму. Вместе с ней — Вик. Инкуб, который когда-то был Джакомо Казановой. Он знает толк в любви и в охоте. Он готов защищать Настю даже ценой собственной сути. Но сможет ли он удержать её, когда она узнает, что её истинная природа — не просто дар, а проклятие, которое привлекает драконов?

© Балута А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Анастасия Балута

Мухоловка для ловца

Глава

Пролог

Есть такое хорошее русское выражение: «Мне всё фиолетово». И любой русский знает, что оно означает: мне всё равно, на всё наплевать. На начальника, который выносит мозг на работе. На родных, которые дома пилят душу тупой циркуляркой. На сам дом, где жрать нечего, в холодильнике — трупик суицидной мыши, в комнатах такой бардак, что Авгий нервно курит в углу. Наплевать на погоду, которая вечно не та. На кризис в стране. На мужиков, которые все козлы, или на женщин, которые, соответственно, меркантильные козы дражные. Короче — на всё.

Только вот не понятно, при чём тут приятный фиолетовый цвет. По шкале эмоциональных состояний, которую разработал американский психолог и врач Макс Люшер, фиолетовый — цвет баланса, гармонии и трансформации. Это цвет соединения противоположностей, цвет магов и поэтов, цвет тех, кто стоит одной ногой в этом мире, а другой — в ином. На языке цвета «мне всё фиолетово» означает: «Пусть вокруг всё плохо, а мне спокойно. Я вне этого. Я над этим».

А вот когда вокруг всё плохо и мне тоже плохо — тогда всё черно. И это тоже понятно. Чёрный — цвет конца, пустоты, непроглядной тьмы, в которой не разглядеть собственных рук. «Чёрная тоска», «чёрная зависть», «чёрным-черно» — язык не врёт. Он чувствует цвет, даже когда мы не думаем об этом.

А если вокруг всё никак, потому что внутри пустота? Какой тогда подойдёт цвет?

Наверное, серый.

Женщина, которой было около тридцати, в простой, но явно очень дорогой одежде, шла ранним утром по Патриаршему мосту, что соединяет набережную с храмом. Июньское утро было нежным, свежим, тем самым утром зарождающегося лета, которое порадовало бы душу любого скептика. Оно было щедро раскрашено всей палитрой московского лета в самые разные цвета: белые и розовые грозди ещё не отцветшей сирени, изумрудная зелень листвы, золотые отблески солнца на воде Москвы-реки, голубая бездна неба, в которой плыли редкие облака, словно забытые письма.

Но для неё всё это было серым.

Серым. Без вариантов. Без полутонов. Без надежды.

Рядом с мостом возвышался величественный Храм Христа Спасителя. Храм этот тоже испил свою чашу страданий. Его начали строить в честь победы над Наполеоном — как памятник народной вере и благодарности. Его возводили почти полвека, вкладывая в белый камень не только мастерство, но и надежду. А потом, в 1931 году, его взорвали. До основания. От стен остались только обломки, от куполов — лишь воспоминания. На его месте вырыли огромную яму и залили её водой — так появился бассейн «Москва», самый большой в Советском Союзе,

где люди плавали в холодной воде, не зная, что под ними покоится прах поруганного храма. Казалось, что всё кончено. Что память уничтожена. Что святое место навсегда останется просто ямой с водой. Но время шло. И в 1990-е годы храм начали восстанавливать. Камень за камнем, кирпич за кирпичом. И четверть века назад он снова поднялся к небу — белый, сияющий, золотоглавый, словно ничего и не было. И теперь храм гордо сверкал золотом куполов, своим названием утверждая, что может спасти каждого, кто придёт к Нему.

Женщина, идущая по мосту, как и большинство русских, не была сильно верующей. Она не соблюдала все каноны, но была крещёной, знала пару молитв, иногда заходила в церковь — особенно по большим праздникам. Но сейчас ей казалось, что слова молитв пусты, ничто её не спасёт, а золото куполов и белизна стен огромного храма — всё сливалось в тот же неизменный серый цвет. Она не могла вспомнить, когда в последний раз видела цвета. Она не могла вспомнить, когда в последний раз чувствовала что-то, кроме тянущей, вязкой пустоты в груди.

Она остановилась на середине моста. Утро было уже не раннее — на часах было около восьми, — но прохожих на мосту почему-то не было. Или она их не видела, отгороженная от них всё тем же серым коконом, который рос вокруг неё с каждым днём, с каждым часом. Она перегнулась через перила и посмотрела на воду. Вода в реке была серой — тёмно-серой бездной, которая манила и звала. Не злобно, не требовательно, а так, как манит сон, когда ты уже почти проваливаешься в него, чувствуя, как тело становится лёгким и ненужным. Ей казалось, что вода тихо шепчет её имя — не как угрозу, а как обещание тишины.

Она была не из бедных. Выше среднего класса. Но богатые, как известно, тоже плачут. Однако она уже не плакала. То, что она переживала сейчас, не было горем в привычном смысле: никто не умер, она не погрязла в кредитах, и коллекторы не грозили отнять её ненужную ей самой жизнь. То, что привело её в этот час к перилам моста, была просто тоска от неразделённой любви. Но это чувство выпило всю её душу. Захватило все мысли. Убило все другие чувства, сделав мир серым, как вода в Москве-реке, и теперь камнем тянуло её вниз.

Женщина постояла так несколько минут. Может, десять. Может, двадцать. Время перестало иметь значение. А потом к ней подошли двое мужчин в чёрных костюмах — крупные, с внимательными, ничего не выражающими лицами. Один из них сказал негромко, но твёрдо: «Поехали. Отец ждёт». Она подняла на них глаза, в которых не было ни страха, ни удивления. Только пустота. Словно их приход был для неё таким же серым, как и всё остальное. Она пошла с ними, не сопротивляясь. Потому что у неё не осталось ни слёз, ни ярости. Даже желания броситься вниз уже не было — оно ушло, как утренний порыв ветра, оставив после себя лишь слабый холодок где-то под рёбрами. Был какой-то порыв, в самом начале, прекратить всё это. Закончить. Но он быстро растаял, как туман над водой. И осталось только серое, тягучее, бесконечное ничто. Не «пятьдесят оттенков» скандального фильма. Просто — СЕРО. Тот цвет, в котором нет ни боли, ни надежды. Только отсутствие всего.

Её увели. Двое мужчин сопровождали её, поддерживая под локти, словно она не могла идти сама, но на самом деле она могла. Она просто не хотела. Впереди была жизнь. Серая. Бесконечная.

Глава первая

Правильное питание - вещь необходимая, модная и безусловно полезная. Нужна она всем, кто следит за своей фигурой, шкалой давления, уровнем холестерина и сахара в крови. Обычно к правильному питанию приходят уже после сорока, когда здоровье начинает давать сбои, а жить хочется ещё о-го-го. Но современная правильная молодёжь возвела ПП уже в систему. А члены секты красивого тела вообще в культ, где во главе пирамиды стоит чистый протеин, а углеводы преданы анафеме. Здесь каждый кусок хлеба – грех, каждая ложка сахара – падение. Им не понять, что есть вещи важнее калорий и показателей BMI.

Однако любой здравомыслящий человек, который любит и уважает себя и свое тело, никогда не станет пренебрегать такими маленькими человеческими радостями как посидеть

иногда с бокалом любимого, хоть и не очень правильного напитка в хорошей компании. И как нельзя лучше подходят для этого не модные фитнес-бары, где каждая калорий взята на учёт. Для этого годятся только маленькие атмосферные живые кафе, разбросанные по всей Москве, как островки безопасности, и закрытые от членов Ордена Правильного питания своей колоритной сферой. Их не найти на картах туриста — они прячутся в переулках, во дворах, за неприметными фасадами. Там пахнет не стерильностью и свежавыжатым соком, а старым деревом, книгами, кофе. И там подают не безвкусную гречку на пару, а вишнёвый пирог, от которого у любого догматика случился бы инфаркт. Эти кафешки — как порталы в иные миры. Порталы для тех, кто умеет Видеть.

Особенно много таких заведений в старой части города, где время, кажется, застыло и остановилось. Где каждый камень помнит историю, а история через нагретые солнцем камни незаметно проникает в твою душу.

И именно сегодня, в тёплый, немного душный июньский вечер, мне хотелось такой атмосферы. Хотелось забыть о холестерине, калориях и прочей ерунде. Хотелось просто быть.

Солнце уже клонилось к закату, заливая старую Москву тёплым, чуть тревожным светом. Усталые прохожие, разморенные зноем, шли по тротуарам, не спеша, будто увязая ногами в раскалённом за день асфальте. Июньский вечер в старом московском переулке — это отдельная история. В нём смешивается всё, что город накопил за день: жара, уставшая от солнца, медленно остывает, отдавая камням мостовой своё последнее тепло. Пахнет пылью и нагретой листвой, которая начинает отдавать влагу сумеркам. Где-то рядом — их распахнутых дверей и приоткрытых форточек — пахнет жареным луком и домашним хлебом, но эти запахи не смешиваются с уличными, они живут отдельно, как воспоминания о другой жизни.

А ещё — влажность. Та самая, московская, которая делает воздух густым, почти осязаемым. Она обволакивает кожу, оставляя на ней ощущение лёгкого налёта, как после купания в тёплом озере. Иногда ветер приносит запах старого дерева от где-то недалеко стоящего дома, смешанный с ароматом сухой травы, пробивающейся сквозь асфальт. И где-то далеко, едва уловимо, пахнет мокрой землёй — предчувствием ночной грозы, которая может и не случиться, но её обещание уже висит в воздухе.

И в этом запахе, в этой тихой, почти липкой духоте старого города, есть что-то первобытное. Что-то такое, от чего хочется закрыть глаза и просто дышать, чувствуя, как время замедляет свой бег, как каждый вдох становится длиннее, как мир перестаёт быть просто миром и становится местом, в котором можно остаться навсегда.

Я не искала это место специально — оно само нашло меня, как находишь в старом доме комнату, где пахнет детством, которое давно прошло. Кафе «Мастерская» прячется в Большом Трёхсвятительском переулке, 2/1, строение 6, и его не найти на картах туриста. Оно не кричит о себе, оно ждёт тех, кто умеет сворачивать не туда, куда надо, а туда, где тихо.

Когда-то здесь была мастерская художника. И воздух до сих пор помнит запах скипидара и старого дерева. Свет здесь не падает сверху — он просачивается сквозь время, как вода сквозь трещины в камне. Гипсовые головы на полках смотрят на тебя пустыми глазами, и кажется, что они знают больше, чем ты. У них нет имён, но есть память о том, как их касались пальцы скульптора. Они не молчат — они просто говорят на языке, который не слышишь ушами.

Столы здесь не покрыты скатертями — на них лежат старые доски, потёртые, тёплые, помнящие тысячи локтей и сотни разговоров. В углу — пыльный мольберт, который никто не убирает, потому что он — часть декораций, но я знаю: он не декорация. Он — свидетель. Он видел, как рождались идеи, как умирали вдохновения, как люди открывали друг другу то, что нельзя записать в блокнот.

Туда приходят не для того, чтобы наесться. Туда приходят, чтобы остаться. А подают там кофе, который пахнет не просто зерном, а осенью. Тёмный эль, который пьют медленно, как разговор, который не хочется заканчивать. И в этом есть что-то правильное, хотя ПП-активисты заклеили бы это место позором. Но какая разница, если здесь, за этим столом, время перестаёт быть врагом и становится союзником?

В этот вечер я сидела босиком. Босоножки были аккуратно сложены рядом на деревянном полу — не кокетство, а жест доверия. Доверие к этому месту, к этому часу, к самой себе. На мне было простое светлое платье — лён, цвета тёплого, выбеленного солнцем песка. Оно струилось по плечам, не сковывало движений, позволяло дышать. Рыжие волосы не были уложены в строгую причёску — они лежали свободными прядями, чуть тронутые закатом, и в этом не было ни вызова, ни желания понравиться. Просто я была собой. И этого было достаточно.

На руках — браслеты. Несколько, тонких, металлических и кожаных, они мягко позвякивали при каждом движении. Я никогда их не снимаю. Даже во сне. Они — молчаливый оберег, знак моей силы и моей памяти. Они помнят то, что я предпочитаю не вспоминать. И они напоминают мне о том, что я — не просто женщина, сидящая в кафе.

Я взяла бокал красного сухого вина «Кот дю Рон» — с богатым, чуть пряным вкусом, без пафоса, но с характером. Оно хорошо сочеталось с сумерками за окном и с моим настроением. На столе передо мной стояла тарелка с вишнёвым пирогом и стакан с холодным лимонадом, который я уже почти допила. Веранда кафе, где я сидела, не выходила на людную улицу, поэтому сюда из московских дворики проникал едва уловимый, но уже очень узнаваемый аромат цветущих лип. И я чувствовала, как июньский вечер медленно обволакивает меня своей бархатной прохладой.

Я смотрела на улицу, и казалось, что время здесь течёт иначе. За окном сумерки медленно окутывали старый московский переулок, а я ждала. Сегодня я ждала здесь старого хорошего друга, даже больше, чем друга. И для нашей встречи это место подходило идеально. Я ждала. И знала — он придёт.

Когда он вошёл, воздух в кафе будто бы сгустился. На мгновение стих звон чашек, и кто-то за соседним столиком невольно обернулся — и замер. Потому что этот мужчина был создан для того, чтобы на него смотрели. Иссиня-чёрные волосы, чуть тронутые сединой у висков, были небрежно зачёсаны назад, открывая чистый и совершенно невозможный для обычного человека профиль. Он двигался легко и бесшумно, с той особой грацией, которая бывает у людей, привыкших находиться в центре внимания, но не ищущих его. На вид ему можно было дать и тридцать лет, и сорок. Но я знала, что он гораздо старше. Намного старше. Ему было бы примерно 300 лет. Столько, сколько было бы Казанове, если бы он дожил до наших дней.

Он был одет в тёмный, идеально сидящий костюм, но без галстука — небрежность, за которой чувствовалась выверенная годами точность. Лёгкая рубашка с расстёгнутым верхом, открывающая крепкую шею. Руки, сильные, с чёткими линиями мышц, привыкшие не только к перу, но и к веслу, и к шпаге, — левую украшали классические швейцарские часы марки Patek Philippe, серебро и тёмная кожа. На правой, на запястье, — старый серебряный браслет с вставками из чёрного агата, который ловил и переливал свет при каждом движении, будто жил своей собственной жизнью. Он мог бы быть банкиром, художником или опасным безумцем — и любой из этих вариантов звучал бы одинаково убедительно.

Но главное — его глаза. Он смотрел так, будто знал всех женщин на свете — и видел их сквозь века. Он смотрел на меня с лёгкой, чуть печальной улыбкой, как на старого друга, с которым поделил не одну ночь в коридорах времени. Мне казалось, он знал, что большой любви между нами возникнуть не может. Это было бы слишком опасно — для меня и для него. Но он любил меня по-своему. Как коллегу, как красивую женщину, как ту, которая видит его суть, не боясь отвести взгляд.

Он сел напротив. Его руки, сильные и спокойные, легли на стол, и на мгновение мне показалось, что он не касается деревянной поверхности, а держит невидимые нити, которые связывают нас с этим вечером. Затем он поднялся, сделал шаг ко мне, легко, как будто это было самое естественное движение в мире, и его губы коснулись моей щеки. Нежное, почти невесомое касание, от которого по моему телу пробежала дрожь, ударила в солнечное сплетение и взорвалась шаровой молнией где-то внизу живота. Я старалась привыкнуть к его прикосновениям, но так и не смогла. Каждый раз — как в первый.

— Привет, дорогая, — сказал он, и его голос, глубокий, бархатный, вгоняющий в дрожь даже самых искушённых, обволок меня, как тёплый туман.

Он посмотрел мне в глаза — тем самым особенным взглядом, который, казалось, видел не только моё лицо, но и все мои прошлые жизни, все мои страхи и все мои надежды.

— Анастасия, ты сегодня обворожительна.

Я улыбнулась. Потому что знала: он не врёт. Он просто видит то, что есть — и называет это своим именем.

— А ты, как всегда, — сказала я, — появляешься в самый подходящий момент.

Мужчина улыбнулся той полупечальной улыбкой, которую я так хорошо знала, и сел напротив, жестом подзывая официанта. На столе появился тёмный эль — редкий, в стеклянном кувшине с толстыми стенками. И я снова почувствовала, что этот вечер — не случайность. Что он пришёл не просто выпить со мной.

— Помнишь, как мы познакомились? — спросил он, поднимая бокал. — На той конференции

Я кивнула, и воспоминания нахлынули, тёплые и немного странные, как и всё, что связано с ним.

Звали его Виктор. Иногда, в прошлом — впрочем, слово «прошлое» к нему применимо лишь условно — он был частью эскорта для самых богатых и изысканных дам, имён которых лучше не называть. Тогда его псевдоним был Жак. Но для своих и для меня тоже он был просто Вик. И он, как и я, не был человеком.

Вик относился к тому редкому виду инреалов, которых традиционно называют словом «инкуб».

Но Вик был необычным инкубом. Это была... квинтэссенция понятия инкуба. Его сила и его природа были не в том, чтобы отнимать, а в том, чтобы отдавать. И это роднило его с тем, кем он когда-то был.

Когда-то он жил в Венеции. И звали его Джакомо Казанова.

Да, тот самый. Легенда при жизни. Авантюрист, музыкант, шпион, алхимик, писатель, человек, знавший латынь, греческий, французский, древнееврейский, испанский и английский, разбиравшийся в математике, астрономии, теологии, химии и философии. И при этом — человек, который превратил любовь в искусство. Он родился в семье актёров, учился на священника, был исключён из семинарии за любовные похождения, сидел в тюрьме, бежал, путешествовал по всей Европе, встречался с монархами и писал мемуары, которые стали бестселлером уже после его смерти.

Но главное — его отношение к женщинам. «Четыре пятых наслаждения заключались для меня в том, чтобы дать счастье женщине», — писал он в своих мемуарах. Он не был Дон Жуаном, который сеет разрушение. Он был Казановой, который дарил радость и веру, приглашая к «галантному приключению». Его любовницы уходили от него не с разбитым сердцем, а с ощущением единственного и неповторимого праздника, который запоминался на всю жизнь. Он был специалистом по наслаждению, но наслаждение это было обоюдным.

А потом он умер для этого мира. И не ушёл. Он стал тем, кем стал — инкубом, но инкубом, который помнил, что такое давать женщине счастье. Его сила была не в насилии, а в том,

чтобы пробуждать в женщине её собственное желание. Он питался любовью, но он и давал её. Он не был вампиром, высасывающим жизнь. Он был катализатором, который зажигал в женщине огонь, делая её ярче, красивее, живее. И брал себе лишь ту часть, которую она отдавала добровольно — как плату за мгновение абсолютного счастья. Если женщина была пуста и искала лишь заполнить пустоту, он не брал у неё ничего, потому что ей нечего было дать.

Он был редким экземпляром. Инкубом, который не разрушал, а создавал. И поэтому, когда он говорил о тех, кто искажает саму суть любви, превращая её в ловушку и зависимость, в его голосе звучала не просто злость. Звучала ненависть знатока, который видит, как профаны оскверняют его искусство.

Вик поднял свой бокал с тёмным элем, посмотрел на меня и улыбнулся той загадочной улыбкой, которая, должно быть, сводила с ума женщин ещё в Венеции восемнадцатого века.

Познакомились мы странно. На конференции по романистике, где я делала доклад об этрусском языке и его отношении к итальянской группе. Это была обычная академическая тусовка — бородатые профессора, аспиранты с блестящими глазами и обязательные кофе-брейки с необязательными разговорами. Я стояла у трибуны, чувствуя знакомое тепло адреналина. Вопрос о том, можно ли считать этрусский субстратом для латыни, был сложным, и я любила сложные вопросы. Я отвечала, погружаясь в архаику конструкций и слов, не замечая лица в третьем ряду.

А потом он поднял руку.

Я вскинула взгляд и осеклась. Потому что передо мной сидел мужчина, который явно не был филологом. Иссиня-чёрные волосы, идеальный профиль, взгляд, который не изучал древние тексты, а, казалось, помнил их авторов. Он задал вопрос — точный, почти интимный. О том, мог ли этрусский быть не просто субстратом, а живым языком, сохранившимся в ритуалах, которые не записывались, но передавались. Я ответила — и сама не узнала свой голос: чуть хриплый, чуть глубокий, как у человека, который говорит о чём-то личном. Однако внутри в это время всплыл встречный вопрос: «Что он здесь делает?»

А после доклада, во время кофе-брейка, он подошёл ко мне. Не представился. Просто посмотрел так, будто знал меня несколько жизней. И сказал тихо, чтобы никто не слышал:

— Я тоже из ФСПИ (Федеральной службы поиска инреалов). Меня направил к тебе Шеф. Виктор Николаевич, — он улыбнулся уголками губ. — Сказал, что нам нужно поработать в паре. Задание. И для этого надо познакомиться. А ты была занята докладом, так что я решил... понаблюдать.

Он предложил уйти с конференции. Мы сидели в маленьком кафе на Арбате, я — с кофе, он — с тёмным элем. Он рассказал, что задание — проникнуть в одну закрытую организацию. Что нужна пара, которая выглядит как любовники. Что его кандидатура — единственная возможная, потому что он умеет быть невидимым и внушать доверие. И что я — единственная, кто может войти туда, не вызвав подозрений.

Я слушала, чувствуя странное спокойствие. Он не врал. В его голосе была та самая честность, которую редко встретишь в людях, — и которой нет в людях вовсе. А потом я посмотрела на его глаза и поняла: он — инкуб. Настоящий. Тот самый, о котором пишут в старых книгах, но никогда не говорят вслух.

Мы отправились на задание. И — случилось то, чего я не планировала. Короткий, яркий роман, который даже не был романом в привычном смысле. Просто мы не смогли устоять перед притяжением, которое было сильнее нас. Но дистанция в этом романе была: касания, лёгкие поцелуи — и ничего больше. Мы не перешли ту черту, которая превращает хороших друзей в любовников. Потому что я знала его природу, он знал мою. И мы оба знали, что серьёзно продолжать опасно для нас обоих. Но мы остались друзьями. Хорошими друзьями. Без ревности. Без тоски. С пониманием, что мы — слишком разные и слишком похожие, чтобы быть просто людьми.

И вот теперь он сидел напротив меня в «Мастерской», и я знала, что он снова принёс мне что-то важное. Может быть, новое задание. Может быть, очередную тайну, которую я должна была разгадать. Но сегодня он был не просто напарником. Он был тем, с кем можно было говорить о любви, о силе и о той тонкой грани, которая превращает красивое чувство в зависимость. И я ждала его слов.

Глава вторая

Вик отпил глоток тёмного эля, задержал его на языке, словно пробуя на вкус не только напиток, но и слова, которые собирался произнести. Поставил бокал на стол, провёл пальцем по краю, собирая капельки конденсата, и посмотрел на меня с той особенной полуулыбкой, которая появлялась у него только перед тем, как он собирался сообщить нечто важное.

— У меня для тебя новое задание, — сказал он. Голос его был тих, но в нём слышалась сталь, которую не спрячешь за бархатом. — Оно будет необычным. И, возможно, самым опасным из всех, что у нас были.

Я молча ждала.

— Они называют себя ловцами, — продолжил он, и в его голосе впервые за вечер проскользнула та самая нотка, которую я научилась распознавать: смесь презрения и брезгливости. — Но они не ловцы. Они — паразиты. И я научу тебя видеть их, моя дорогая. А затем мы их поймаем.

Он откинулся на спинку стула, и на мгновение мне показалось, что я вижу не современного мужчину в идеальном костюме, а тень старой Венеции, человека, который помнил времена, когда любовь была искусством, а не товаром.

— Ты знаешь, что такое шмель-себарит? — спросил он, не дожидаясь моего ответа. — В природе есть такие существа. Они не опыляют цветы, как пчёлы. Они не дают жизни. Они просто протыкают лепестки, высасывают нектар и улетают, оставляя за собой увядание. Они берут, ничего не давая взамен. Так вот, среди людей есть такие же. Они приходят в жизнь женщины — красивые, уверенные, харизматичные. Они говорят правильные слова, смотрят в глаза, создают иллюзию близости. Они заставляют её поверить, что это — начало чего-то великого. А потом они не уходят резко. Нет, это было бы слишком честно. Они создают дефицит. Паузы. Недосказанность. Они оставляют женщину в состоянии незавершённости, подсаживая её на эмоциональную иглу, как на наркотик. Она ждёт их сообщений, анализирует их слова, пытается понять, что сделала не так. А они в это время — уже на следующей цветке. И так — по кругу. Один цветок увядает, другой расцветает, и все они — всего лишь станции для дозаправки.

Он сжал бокал чуть крепче, и я заметила, как побелели костяшки его пальцев.

— Я видел это тысячи раз, — сказал он тихо, почти шёпотом. — За мою долгую жизнь я встречал много таких. И каждый раз они называли это любовью. Каждый раз они оправдывали своё поведение сложностью чувств, непониманием, обстоятельствами. Но это не любовь, Настя. Это — искажение. Это — подмена настоящего чувства суррогатом, который вызывает зависимость, а не радость. Настоящая любовь даёт свободу. Она не требует жертв, не заставляет ждать у телефона, не оставляет после себя пустоту и чувство вины. Она не обманывает. А они — обманывают. Сначала других. Потом себя. И в конце концов превращаются в пустые оболочки, которые не способны ни на что, кроме как питаться чужими эмоциями.

Он посмотрел на меня так, что на мгновение мне показалось, будто он видит не меня, а всех тех женщин, которые когда-то попали в эту ловушку.

— Я ненавижу их, — сказал он просто, без пафоса, без театральности. — Потому что они оскверняют само понятие любви. Они делают её товаром, игрой, оружием. И я хочу, чтобы ты помогла мне остановить одного из них.

Он замолчал и снова поднёс бокал к губам. Я смотрела на его профиль, освещённый мягким светом сумерек, и думала о том, как странно устроен мир. Самый известный соблазни-

тель в истории человечества сидит напротив меня, попивает эль, и говорит о том, что любовь должна быть честной. И я знала — он не лукавит. Потому что он был тем, кто давал счастье. Он был тем, кто помнил, что любовь — это искусство, а не ремесло. И он предлагал мне стать его союзником в этом деле.

Он отпил ещё глоток эля, и на мгновение мне показалось, что свет на веранде стал чуть теплее, словно сам вечер прислушивался к его словам. Вик поставил бокал на стол, снова провёл пальцем по краю и посмотрел на меня тем взглядом, который я знала уже много лет — взглядом человека, который помнит то, что другие давно забыли.

— Ты знаешь, что такое инкуб в классическом понимании? — спросил он, и в его голосе не было иронии. Только усталая мудрость. — Демон. Существо, которое приходит к женщинам по ночам, чтобы питаться их энергией. В средневековых трактатах их описывают как безобразных тварей, иногда с козлиными ногами или крыльями. Они внушают страх, они насилуют, они оставляют после себя опустошение. И знаешь, что самое забавное? Такие действительно существуют.

Он усмехнулся, но в усмешке не было веселья.

— Только они — не инкубы. Они — искажённые формы. Это те, кто сорвался. Кто забыл, зачем они пришли в этот мир. Они — как художник, который забыл, что такое краски, и начал просто рвать холсты. Они питаются страхом, болью, унижением. И они — самая многочисленная порода в этой экосистеме. Именно о них пишут книги. Именно их боятся и ненавидят.

Он взял бокал, но не поднёс к губам. Просто подержал в руке, глядя на тёмный напиток сквозь стекло.

— Но есть другие. Такие, как я. Нас мало, очень мало. Мы — те, кто помнит, что инкуб — это не паразит. Это — катализатор. Мы не берём. Мы — пробуждаем. Мы приходим к женщине не для того, чтобы взять её силу, а для того, чтобы зажечь. Мы даём ей почувствовать себя желанной, красивой, единственной. На краткий миг — но этот миг может запомниться на всю жизнь. Мы не оставляем опустошения. Мы оставляем след — как от кометы, которая пролетает слишком близко, чтобы её не заметить, но не падает на землю.

Он сделал глоток, и его голос стал чуть тише, словно он говорил о чём-то очень личном.

— В этом мире есть ещё один тип существ. Суккубы. Женские ипостаси. Они чаще всего называют себя музами или нимфами. Они приходят к мужчинам — художникам, поэтам, учёным. Но не только для секса, нет. Главная их задача — рождать вдохновение. Они даруют им тот самый «глоток воздуха», ту самую идею, которая переворачивает мир. Они — музы, но музы живые. И они тоже уходят. Потому что их цель — не владеть, а пробуждать. А потом исчезнуть, оставив после себя либо шедевр, либо тишину. Потому что слишком долгое присутствие такого существа может сжечь обычного человека. Мы слишком горячие. Мы не для постоянного контакта.

Я слушала, и в голове складывалась картина, которую я видела уже не раз, но никогда не могла описать словами. Вик продолжал:

— И есть третий тип. Те, кто питается иллюзиями. Они не дают. Они лишь создают видимость дара, пока не выпьют из женщины всё, что делает её живой. Они — не инкубы. Они — ловцы. Ловцы любовных иллюзий. Они выходят на охоту, используя слова, взгляды, обещания. Они умеют ждать, умеют плести сеть. Они не спешат. Они дают женщине почувствовать себя любимой ровно настолько, чтобы она не заметила, как её сердце стало пустым. А когда она уже ничего не может дать — они просто исчезают. Иногда — оставляя записку. Иногда — просто переставая отвечать на сообщения. Иногда — с улыбкой, которая ничего не значит.

Он поставил бокал на стол и посмотрел на меня в упор. Его глаза, цвета тёмного янтаря, больше не улыбались.

— Знаешь, кто дал им эту силу? Не природа. Не эволюция. Инферналы.

Впервые за весь вечер это слово прозвучало вслух, и оно повисло в воздухе, как запах грозы перед бурей.

— Инферналы живут на седьмом слое Инреала. Они — древние. Они помнят время, когда люди ещё не умели говорить, а только слушали голоса земли. Они не злые в том смысле, в каком мы понимаем зло. Они — другие. Они не могут питаться тем, чем питаемся мы. Они не могут чувствовать так, как чувствуем мы. Они — пустые. Но эта пустота — не слабость. Это — голод. И они учат своих слуг — ловцов — высасывать из людей то, что делает их живыми. Эмоции. Радость. Любовь. Всё, что можно собрать, как мёд, и отправить наверх, в их мир, где этот мёд становится их топливом.

Он откинулся на спинку стула и посмотрел куда-то в сторону, на тени, которые ложились на стены кафе. Потом поймал мой удивлённый взгляд. Улыбнулся.

— Насколько я понимаю по твоим широко раскрытым глазам, наш дорогой шеф ещё не дал тебе доступ ко всей информации о структуре Инреала и его уровнях?

Я повертела в пальцах палочку, которой мешала лимонад.

— Э вообще, да. То есть нет. Насколько я понимаю, уважаемый наш Виктор Николаевич в целом не заморачивается проблемой введения новых сотрудников в курс дела. Он мне при встрече сунул какую-то тощую книжицу собственного сочинения, буркнул; «Изучай матчасть» и велел пока не забивать себе голову и лишних вопросов не задавать. То, что в Инреале есть три уровня, я узнала случайно, от одной ведьмы. Книжку шефа я просмотрела, в ней всё очень туманно так

Вик вздохнул.

— Узнаю дорогого руководителя. Вечно занят, решает вопросы мирового масштаба, а обучение новых агентов должно идти в процессе работы. Ничего не поделаешь. Инреалы были всегда, но структура, которая пытается их объединить, появилась совсем недавно. Система ещё только формируется, программы обучения как таковой нет. Но ты не переживай, пока у тебя есть я. А потом ещё кого-нибудь приставят. Расскажем, научим, введём.

— Расскажи мне про наше задание и про Инферналов, Вик, — попросила я, невольно подавшись вперед и коснувшись его ладони кончиками пальцев. Он улыбнулся, зажал мою ладошку в своих, больших и горячих, а потом поднес к губам. И продолжил.

— Инферналы умеют ждать. Они не торопятся. Они не делают резких движений. Они предпочитают действовать через посредников. И об одном из этих посредников я и хочу тебе рассказать. Он не главный враг. Он — лишь инструмент. И если мы его уберём, инферналы просто найдут нового. Но если мы поймём, как он связан с ними, если мы сможем перерезать эту связь... тогда мы нанесём им удар, от которого они не оправятся.

Он повернулся ко мне и улыбнулся своей обворожительной улыбкой казановы, которая сводила с ума всех женщин.

— Поэтому я здесь, Настя. Поэтому мы сидим в этом кафе. Потому что ты — Мухоловка. Ты — единственная, кто способен не просто видеть нити, но и перерезать их. А я — тот, кто знает, где вьются эти сети, и кто приведёт тебя к добыче. Мы сможем показать им, что охота — это игра для двоих.

Официант подошёл к нашему столику и принёс ещё лимонада. Я налила себе полный бокал — духота июньского вечера отступала очень и очень медленно. Может, поэтому мне сейчас так сильно хотелось пить? А может из-за всей этой лавины новой информации, которую Вик вывалил на мою несчастную голову. И смотрел он на меня при этом так, будто я была самой красивой и самой любимой женщиной на свете. И с этим проникающим в самую душу взглядом никак не вязался тот сомнительный комплимент, который он только что произнёс. Я прикусила губу и отвела взгляд.

— Мухоловка надо же! Комплимент на сто баллов, Вик! Теряете форму, господин Казанова

Виктор рассмеялся, крепче сжав мою ладонь и откинув назад голову. «Интересно, знает ли он, насколько красив, когда смеется вот так?.. Наверняка знает. Соблазнитель, блин И я туда же».

И он, будто почувствовав мою досаду, ещё раз прижал к своим губам мою ладонь, потом запястье, а потом просто улыбнулся одной из самых очаровательных своих улыбок.

— Настюш, не обижайся, ладно? Я расскажу тебе, почему назвал тебя Мухоловкой и как это относится к делу. Но это потом. Прежде, чем приступить к сути нашего задания, я расскажу тебе его предысторию. Точнее, историю одной женщины, которая стала жертвой ловца.

Он сделал долгий глоток эля, поставил бокал на стол, и я заметила, как на его лице мелькнула тень — не усталости, а той особенной серьёзности, которая появляется перед тем, как рассказывают что-то важное и тяжёлое.

— Эту женщину зовут Лариса, — начал он. — Ей тридцать два. Она не модель, не актриса и не светская львица. Она — дочь человека, который владеет сетью заводов и строит дороги в Сибири. У неё два высших образования, она говорит на трёх языках, и она могла бы управлять любой из компаний отца — если бы он позволил. Но он не позволяет. Она — наследница, которую нужно выдать замуж, чтобы скрепить нужный союз. Чтобы усилить влияние. Чтобы сделать бизнес нерушимым.

Вик поднёс бокал к губам, но не отпил. Просто подержал, глядя сквозь стекло на тёмный напиток.

— Лариса знает об этом. Она всегда знала. Она не бунтует открыто — она умнее. Она просто искала лазейку. Место, где она могла бы быть не дочерью, не наследницей, не приданым, а просто — собой. И она нашла его. Или ей показалось, что нашла. В интернете. На сайте знакомств.

Он усмехнулся, но в усмешке не было веселья.

— Как и многие умные женщины с комплексом неидеальной внешности, она не искала принца. Она искала собеседника. Кого-то, кто мог бы говорить с ней о книгах, о жизни, о том, что волнует её по-настоящему. Она зарегистрировалась скорее из любопытства, в пику отцу, который уже нашёл ей «подходящую партию». И там она нашла его.

Вик поставил бокал на стол, и я заметила, как его пальцы сжались на стекле чуть крепче, чем нужно.

— Его зовут Борис. Он представился как аналитик, который работает в крупной компании и много путешествует. На аватарке — мужчина с приятным лицом, лёгкая небритость, серьёзный взгляд. Ничего вызывающего, ничего пафосного. Он писал складно, иногда даже красиво. Спрашивал о её работе, о книгах, о том, что она чувствует, когда смотрит на закат. Он не торопился. Он давал ей пространство дышать — ровно столько, чтобы она чувствовала себя в безопасности, но не настолько, чтобы потерять интерес.

Я смотрела на Вика, чувствуя, как внутри закипает холодное раздражение. Такие истории я слышала не раз. Но сейчас она была не абстрактной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.